

ВЛИЯНИЕ ПОЛИТИКИ И ИДЕОЛОГИИ НА МЕТОДЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ВОСТОЧНОЙ АЗИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА НА ПРИМЕРЕ РАБОТ Н.М. ПРЖЕВАЛЬСКОГО И М.В. ПЕВЦОВА

В статье рассматривается влияние идеологии и политики на развитие археологии Восточной Азии в эпоху Большой игры, в которой принимали участие Российская, Британская и Китайская империи. За основу берутся экспедиционные отчеты Н.М. Пржевальского и М.В. Певцова, где отмечаются упоминания археологических памятников, после чего выделяются типы этих памятников и анализируется подход к исследованиям. Типы памятников выделяются следующие: клады, поселения, погребения, храмовые комплексы. Подход к исследованиям формировался в соответствии с задачами экспедиций: в первую очередь это составление карт на случай войны с Китаем, во вторую – военная разведка. Большинство археологических объектов рассматривалось исследователями в качестве топографических ориентиров, к которым прилагались истории местных жителей. Эти истории иногда содержали в себе важные разведанные. После освещения более или менее очевидной стороны рассматриваемого вопроса повествование переходит к скрытым политико-идеологическим факторам, объясняющим ситуацию в целом. Обозначить острейшие нюансы русско-китайских отношений второй половины XIX в. в данной статье можно лишь очень кратко, однако даже из приведенного лаконичного обзора следует, что в качестве серьезного исследовательского направления археология Восточной Азии появилась там, где она совершенно не подразумевалась, и причиной ее появления стала такая идеологическая тенденция того времени, как эволюционизм, оправдывающий колониальную политику Российской империи.

Ключевые слова: Пржевальский, Певцов, Восточная Азия, Большая игра.

V.P. Labetsky

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
E-mail: rinnslaw@gmail.com

IDEOLOGICAL AND POLITICAL INFLUENCE ON THE METHODS OF EAST ASIAN ARCHAEOLOGY IN THE SECOND HALF OF 19 CENTURY: WORKS OF N.M. PRZHEVALSKY AND M.V. PEVTSOV

The article considers the ideological and political influence on the development of East Asian archaeology during the Big Game epoch – event with participation of Russian, British and Chinese Empires. The study rests upon the field reports of N.M. Przhevalsky and M.V. Pevtsov: they noticed the archaeological sites, determined their types and analyzed the research approaches. They deduced such types of sites as caches, settlements, burials, temple complexes. Research approach was being formed in accordance with the tasks of expedition: mapping, in the case of the war with China – in the first place, and intelligence support – in the second place. Researchers considered the most of archaeological objects as the topographic landmarks, accompanied by the story told by local inhabitants. Sometimes these stories included the important intelligence data. When the question under consideration was highlighted in more or less obvious aspect, the story told about the ulterior political and ideological factors, which explained the situation in general. It is possible to briefly mark here only the most topical nuances of Russian-Chinese relations in the second half of the XIX century, but even this brief review shows that East Asian archaeology, as a research area, appeared where it was not implied. The reason of its origin was such ideological trends of that time as evolutionism, racism and social Darwinism, justifying the colonial politics of Russian Empire.

Keywords: Przhevalsky, Pevtsov, Eastern Asia, Big Game.

Свои основные археологические открытия Николай Михайлович Пржевальский и Михаил Васильевич Певцов совершили на территории китайских провинций Внутренняя Монголия, Ганьсу и Синьцзян. То, что можно обозначить в трудах путешественников в качестве результатов археологической разведки, начиналось как разведка военная. Политика и идеология играли в данном случае ключевую роль, создавая основу мотивации исследований. Таким образом, разобравшись в мотивации экспедиций Н.М. Пржевальского и его последователя М.В. Певцова, можно понять причины внимания к определенным типам археологических источников, а также раскрыть основные методологические принципы их изучения и фиксации.

Следует отметить, что М.В. Певцов – фигура соразмерная Н.М. Пржевальскому по статусу, индивидуальности и внутренней силе, однако значительно менее известная. В методологическом плане Певцов продолжает традицию, заложенную Пржевальским, поскольку ему пришлось в буквальном смысле заменить безвременно ушедшего Николая Михайловича. Именно поэтому корректно говорить о нем как о последователе, однако Певцов не теряется в тени своего великого предшественника, а, напротив, резко контрастирует с ним, по крайней мере в личностном плане.

Н.М. Пржевальский задал определенный тон в археологических исследованиях региона. За время четырех азиатских экспедиций Пржевальского были открыты и описаны такие археологические объекты, как древние клады [Пржевальский, 1876, с. 116, 133], развалины городов возрастом от бронзового века до средневековья [Там же, с. 74, 133, 147; Пржевальский, 1888, с. 218, 353, 356, 365–367, 471], храмовый комплекс Цяньфодун (Пещера тысячи будд) [Пржевальский, 1883, с. 100–102], курганы и погребения различных типов [Пржевальский, 1876, с. 139; 1888, с. 121, 367, 382, 410].

Среди археологических находок М.В. Певцова можно отметить сторожевые глиняные башни, на которых в древности зажигали сигнальные огни [Певцов, 1895, с. 63–64], развалины древних глиняных построек и городов [Там же, с. 106, 336–337], огромные скопления керамики [Там же, с. 106–107]. Его работы содержат также некоторые дополнения к легендам, приведенным Н.М. Пржевальским по поводу развалин близ оазисов Хотан [Там же, с. 120–121] и Черчен [Там же, с. 255], лично осмотренных М.В. Певцовым.

Стиль фиксации археологических объектов сформировался у Н.М. Пржевальского в ходе написания отчета о Монгольской экспедиции и не только повторялся в последующих текстах, но также

стал хорошим примером для его учеников. В целом он был принят на вооружение и в отчетах М.В. Певцова. Этот стиль вмещал в себя весьма сжатое, без особых подробностей, описание объекта древности, к которому прилагались рассказы местных жителей, зачастую выражающие их политические предпочтения в мифологических терминах. Иногда описание археологического объекта ограничивалось только легендой или рассказами информаторов.

Почему разведчики-картографы расспрашивали аборигенов о древностях, не проявляя к этим древностям глубокого археологического интереса? Дело в том, что развалины древних городов и другие заметные археологические объекты рассматривались прежде всего в качестве географических ориентиров, со специальными названиями, известными местным жителям [Валиханов, 1984, с. 190]. Такой интерес подразумевает лаконичность описания подобных местных достопримечательностей. Легенды о них обычно представляли некоторый интерес для разведчика помимо топографического, поскольку легенды эти служили маркером политического влияния в регионе.

Вышеуказанные причины интереса к археологии – это то, что лежит на поверхности, но основной причиной были ресурсы. Руководство экспедиций в Петербурге мыслило предельно прагматично, как, впрочем, любые военные и политики. Для того чтобы стали понятны мотивы этих людей, следует выделить несколько общих этапов русско-китайских отношений во второй половине XIX в. В 1856 г. в Китае началось дунганское восстание – одно из самых грозных и кровопролитных восстаний в новой истории страны. В 1871 г. русские «помогли» китайцам отвоевать у восставших Илийский край, забрав его на время себе. За год до этого Н.М. Пржевальский отправился в Монгольскую экспедицию, которая вполне сравнима с военной разведкой, поскольку большая часть ее маршрута проходила по землям, разоренным дунганами. Скорее всего, разведанные Н.М. Пржевальского помогли принять решение о вооруженном вмешательстве в китайские дела. В 1881 г. в Поднебесной оправились от исламистского террора и потребовали Илийский край назад, даже пригрозив России войной. До серьезных столкновений дело не дошло, однако отношения между двумя империями испортились. В секретном донесении Генштабу от 1887 г. полковник Л.Ф. Костенко с горечью вспоминает старые обиды и подводит итог своим невеселым мыслям следующим образом: «Как ни тяжело нашему государству расширять свои владения и присоединять новые земли, тем не менее со стороны Чжунгарии

и Кашгарии нам придется, рано или поздно, осуществить эту тяжелую, но вместе с тем гуманную и славную миссию» [Костенко, 1887, с. 311].

Логично, что после захвата «Русского Туркестана» Россия заглядывалась на Китайский, поэтому Синьцзян, Тибет и Монголия изучались с прагматической точки зрения, как потенциальные колонии. Впрочем, насильственный захват этих земель, вопреки мнению Костенко и других сторонников наступательной политики, так и не состоялся, поскольку он был бы слишком радикальным и затратным актом. Альтернативная политическая программа по отношению к землям Восточной Азии сводилась к усилению русского влияния в регионе и развитию торговых, а также культурных взаимодействий. Тем не менее война не исключалась, поэтому кроме составления карт и топосъемки на случай военных действий русские интересовались богатствами Западного Китая – начиная с древних кладов, «позолоченных идолов», полезных ископаемых и пресной воды и заканчивая сельским хозяйством, промыслами и торговлей. Жители этих земель воспринимались как потенциальные сотрудники или даже будущие подданные (т.е. «людские ресурсы»), поэтому важно было узнать все их предпочтения – от культурных и религиозных до экономических и политических.

На идеологическом уровне подобные колониальные аппетиты оправдывались тем, что всем будет только лучше: азиаты получают новую, цивилизованную жизнь, а Россия в обмен на тяжелейший неблагодарный труд по «окультуриванию» аборигенов – ресурсы, рынок сбыта, новые производства, а также существенные геополитические преимущества [Семенов, 1900, с. 209; Верещагин, 1883, с. 51–52]. Все это подкреплялось такими новейшими идеологическими тенденциями второй половины XIX в., как эволюционизм, расизм и так называемый социальный дарвинизм [Клейн, 2011, с. 316–317]. Необходимо подчеркнуть, что здесь имеется в виду исключительно политико-идеологическая сторона сложных научных гипотез, часть из которых не прошла проверку временем и была опровергнута. Не вдаваясь в подробности, можно сказать, что в их основе лежит идея о том, что по тем или иным причинам – историческим, политическим или биологическим – одна группа людей сильнее и развитее, чем другая. Сильные и развитые люди имеют больше прав на ресурсы, чем те, кто не может этими ресурсами эффективно распорядиться. Военная экспансия с целью поддержания и развития более прогрессивной экономики оправдывается помощью в развитии, оказываемой тем, у кого отбираются земли и сырье.

Фактически речь идет о навязывании ценностей «более развитого общества», характерном для политики колониализма.

Таким сложным и противоречивым образом в калейдоскопе исторической динамики появляются неожиданные исследовательские направления, среди которых можно выделить археологическое изучение пустыни Такла-Макан, бассейна р. Хуанхэ и монгольских степей.

Археологические изыскания Н.М. Пржевальского и М.В. Певцова носили обзорный, экстенсивный характер, преследуя скорее цели военно-политической разведки, чем какие-либо другие, однако вклад этих путешественников в археологию имел огромное значение, поскольку они обозначили новые области и направления исследований, а также общую политико-идеологическую составляющую, соединяющую древнюю историю с современной жизнью.

Список литературы

- Валиханов Ч.Ч.** Собрание сочинений: В 5 т. – Алма-Ата: Гл. ред. Казахской сов. энциклопедии, 1984. – Т. 1. – 432 с.
- Верещагин В.В.** Очерки, наброски, воспоминания. – СПб.: Тип. м-ва путей сообщ. А. Бенке, 1883. – 155 с.
- Клейн Л.С.** История археологической мысли: В 2 т. – СПб.: Издат. дом СПбГУ, 2011. – 688 с.
- Костенко Л.Ф.** Чжунгария. Военно-статистический очерк Генерального штаба полковника Л.Ф. Костенко // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. – СПб.: Воен. тип. в здании Главного штаба, 1887. – Вып. 28. – С. 1–311.
- Певцов М.В.** Очерк путешествия по Монголии и северным провинциям внутреннего Китая. – Омск, 1883. – 354 с. – (Зап. Зап.-Сиб. отд. Рус. геогр. о-ва).
- Певцов М.В.** Путешествие по Восточному Туркестану, Кун-Луню, северной окраине Тибетского нагорья и Чжунгарии в 1889 и 1890 годах: Отчет бывшего начальника Тибетской экспедиции М.В. Певцова. – СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1895. – 423 с.
- Певцов М.В.** Путешествия по Китаю и Монголии. – М.: Гос. изд-во геогр. лит., 1951. – 284 с.
- Пржевальский Н.М.** Монголия и страна тангутов. Трехлетнее путешествие в Восточной Нагорной Азии Н. Пржевальского, подполковника Генерального штаба, действительного члена ИРГО. – СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1876. – Т. 1. – 383 с.
- Пржевальский Н.М.** Из Зайсана через Хами в Тибет и на верховья Желтой реки. Третье путешествие в Центральной Азии Н.М. Пржевальского. – СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1883. – 476 с.
- Пржевальский Н.М.** От Кяхты на истоки Желтой реки, исследование северной окраины Тибета и путь через Лоб-Нор по бассейну Тарима. Четвертое путешествие в Центральной Азии Н.М. Пржевальского. – СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1888. – 536 с.

Пржевальский Н.М. От Кульджи за Тянь-Шань и на Лоб-Нор. – М.: ОГИЗ, 1947. – 157 с.

Семенов П.П. История полувековой деятельности Императорского Русского географического общества. 1845–1895. – СПб.: Тип. В. Безобразова, 1896. – Ч. 2. – 980 с.

Семенов П.П. Окраины России. Сибирь, Туркестан, Кавказ и полярная часть Европейской России. – СПб.: Тип. АО «Брокгауз–Ефрон», 1900. – 287 с.

References

Klein L.S. Istoriya arkhelogicheskoy mysli: In 2 Vol. SPb.: Izdat. dom SPbGU, 2011. 688 pp. (In Russ.).

Kostenko L.F. Chzhungariya: Voенno-statisticheskiy ocherk General'nogo shtaba polkovnika L.F. Kostenko // Sbornik geograficheskikh, topograficheskikh i statisticheskikh materialov po Azii. SPb.: Voен. tip. v zdanii Glavnogo shtaba, 1887. Iss. 28. Pp. 1–311. (In Russ.).

Pevtsov M.V. Ocherk puteshestviya po Mongolii i severnym provintsiyam vnutrennego Kitaya. Omsk, 1883. 354 pp. (Zap. Zap.-Sib. otd. Rus. geogr. o-va). (In Russ.).

Pevtsov M.V. Puteshestvie po Vostochnomu Turkestanu, Kun-Lunyu, severnoy okraине Tibetskogo nagor'ya i Chzhungarii v 1889 i 1890 godakh: Otchet byvshego nachal'nika Tibetskoy ekspeditsii M.V. Pevtsova. SPb.: Tip. M. Stasyulevicha, 1895. 423 pp. (In Russ.).

Pevtsov M.V. Puteshestviya po Kitayu i Mongolii. M.: Gos. izd-vo geogr. lit., 1951. 284 pp. (In Russ.).

Przheval'sky N.M. Mongolia i strana tangutov: Trekhletnee puteshestvie v Vostochnoy Nagornoy Azii N. Przheval'skogo, podpolkovnika General'nogo shtaba, deystvitel'nogo chlena IRGO. SPb.: Tip. V.S. Balasheva, 1876. Vol. 1. 383 pp. (In Russ.).

Przheval'sky N.M. Iz Zaysana cherez Hami v Tibet i na verkhov'ya Zheltoy reki: Tret'ye puteshestvie v Tsentral'noy Azii N.M. Przheval'skogo. SPb.: Tip. V.S. Balasheva, 1883. 476 pp. (In Russ.).

Przheval'sky N.M. Ot Kyakhty na istoki Zheltoy reki, issledovanie severnoy okraины Tibeta i put' cherez Lob-Nor po basseynu Tarima: Chetvertoe puteshestvie v Tsentral'noy Azii N.M. Przheval'skogo. SPb.: Tip. V.S. Balasheva, 1888. 536 pp. (In Russ.).

Przheval'sky N.M. Ot Kul'dzhi za Tyan'-Shan' i na Lob-Nor. M.: OGIЗ, 1947. 157 pp. (In Russ.).

Semenov P.P. Istoriya poluvekovoy deyatelnosti Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva. 1845–1895. SPb.: Tip. V. Bezobrazova, 1896. Part 2. 980 pp. (In Russ.).

Semenov P.P. Okraины Rossii. Sibir', Turkestan, Kavkaz i polyarnaya chast' Evropeyskoy Rossii. SPb.: Tip. АО «Брокгауз–Ефрон», 1900. 287 pp. (In Russ.).

Valikhanov Ch.Ch. Sobranie sochineniy: In 5 Vol. Alma-Ata: Gl. red. Kazakhskoy sov. entsiklopedii, 1984. Vol. 1. 432 pp. (In Russ.).

Vereshchagin V.V. Ocherki, nabroski, vospominaniya. SPb.: Tip. m-va putey soobshch. A. Benke, 1883. 155 pp. (In Russ.).